

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ПЕРЕВОД

Работа представлена кафедрой ЮНЕСКО: Теория образования в поликультурном обществе
РГПУ им. А. И. Герцена.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Л. Шубина

В статье рассматриваются черты речевого поведения персонажей художественных произведений и способы их репрезентации в тексте оригинала и перевода. Представлены способы имитации автором и переводчиком речи иностранца, детской речи и речи с использованием неологизмов.

In the article special features of speech behaviour of fictional characters and their representation in the original and the translation are examined. The ways in which the author and the translator attempt to imitate the speech of a foreigner, speech of a child, and speech containing neologisms are presented.

При переводе художественного произведения переводчик сталкивается с «многоголосием» персонажей – более или менее заметными, но всегда важными для замысла произведения чертами их речевого поведения. Проблемы передачи особенностей речевого поведения персонажей долгое время изучались в рамках «отклонений от нормы». Так, например, С. Влахов и С. Флорин считают просторечие, диалекты, жаргоны, арго, сленг и профессиональные языки отклонениями от нормы, относящимися к группе коллективных отклонений. К индивидуальным отклонениям авторы относят «вольности» устной речи, детский язык, ломаную речь, дефекты речи (косноязычие, шепелявость и пр.), а также ошибки в произношении¹. Однако особенности речевого поведения не всегда укладываются в рамки отклонений от нормы. Проблема их перевода значительно шире и сложнее.

В то время как перевод диалектных и профессиональных (т. е. «коллективных») особенностей речи уже давно является предметом внимания лингвистов и переводчиков, другие особенности речи остаются в тени. Не существует разработанной системы приемов перевода этих особенностей, хотя они требуют значительных преобразований текста.

Рассмотрим особенности речевого поведения персонажей, говорящих на неродном языке. Характеристики речевого поведения, которые позволяют определить говорящего как иностранца, могут иметь следующие формы:

- грамматические и лексические ошибки общего характера;
- ошибки, вызванные интерференцией родного языка;
- использование ограниченного числа слов;
- использование «фраз из учебника»; гиперправильность речи;
- медленный темп речи, большое количество пауз.

Данные явления можно назвать маркерами речи иностранца. Ярким примером являются диалоги персонажей рассказа Дж. Селлинджера, говорящих на иностранном языке:

“Uh. Wie geht es Ihnen?” I’d start out. (How are you?) I never used the familiar form in addressing Leah.

“I am very well, sank you very much,” Leah would reply, never failing to blush. It didn’t help much to look at her indirectly; she blushed anyway.

“Schyn hinaus, nicht wahr?” I’d ask, rain or shine. (Nice out, isn’t it?)

“Yes,” she’d answer, rain or shine.

“Uh. Waren Sie heute in der Kino?” was a favorite question of mine. (Did you go to the movies today?) Five days a week Leah worked in her father’s cosmetics plant.

“No. I was today working by my fahzzer.” (J. D. Salinger)

– Хм... Как вы здравствуете? – вопрошал я. На «ты» я к Леа не обратился ни разу.

– Я здравствую очень. Большой спасибо, – отвечала она и всякий раз краснела. Я уж как мог отводил взгляд – она все равно краснела.

– Не правда ли, отличная погода? – неизменно допытывался я и в солнечный день, и в непогоду.

– О, да, – неизменно отвечала она и в солнечный день, и в непогоду.

– Хм... Были вы сегодня в кино? – вставлял я свой излюбленный вопрос, хотя и знал, что пять дней в неделю Леа работала на отцовской парфюмерной фабрике.

– Нет, сегодня у меня была работа с родителем (перевод И. Багрова).

В речи девушки, родной язык которой немецкий, встречаются характерные ошибки на всех уровнях языка: замена межзубных звуков на /s/ и /z/, неправильное употребление времен глагола, нарушение порядка слов. В переводе фонетические особенности не переданы, переводчик использует нарушения грамматического строя. Речь молодого человека содержит меньше грамматических ошибок, но в немецких фразах встречаются английские слова. Тональность фраз, и в оригинале, и в переводе, не соответствует коммуникативной ситуации дружеского разговора. Для говорящих характерно стремление не отступить от правил этикета, реальных или воображаемых. В ремарках автор подчеркивает рассогласованность каждого из произносимых высказываний с экстралингвистической ситуацией.

При переводе часто происходит нейтрализация маркеров речи иностранца:

– Женился? – спросил его Фидель.

– Та, – ответил Густав, краснея.

– Папочкой стал?

– Та.

– Как назвали? – спросил я. ...

– Терт ефо снает...

(С. Довлатов)

– Married? – Fidel asked him.

– Ya, – Gustav answered, blushing.

– Become a daddy?

– Ya.

– What did you name it? – I asked.

...

– The devil only knows.

(Перевод А. Frydman)

В оригинале присутствуют заметные фонетические искажения: оглушение звонких согласных, замена /ч/ на /т/. При переводе подобных фонетических замен не произведено, введено только нестандартное слово «уа», которое нередко используется в просторечии, никак не указывая на искаженную речь, в результате чего прибалтийский акцент персонажа полностью нейтрализуется. Задача переводчика – передать не только «неправильность» речи, но и другие характерные черты речи иностранца, и при возможности сделать акцент говорящего узнаваемым для читателя.

Близкой к передаче особенностей речи иностранца оказывается проблема перевода **детской речи** в художественном произведении. Хотя изображение особенностей детской речи в литературе немногочисленны и эпизодичны, их передача требует мастерства переводчика, поскольку должно соответствовать детской речи на языке перевода. Рассмотрим отрывок из рассказа Д. К. Джерома «О суете и тщеславии»:

Wot oo tink of me? Oo peased wi’ me? Oo naughty – oo naughty, bad unkie – oo bad man – me tell MAR. (J. K. Jerom “Of Vanity”)

Дядя, я ходосенькая девоука? Ты меня любис? – Злой дядя, гаджий, бяка! Скажу на тебя маме! (Перевод М. Колпакчи)

В оригинале использованы такие фонетические черты детской речи, как утрата j

перед гласным (you произносится как oo, в транскрипции /u/ вместо /ju/), упрощение групп согласных (peased вместо pleased), замена межзубного звука другим (think -> tink) в начале слова и утрата в конце слова (with -> wi'). Нарушена грамматическая структура предложения, порядок слов, отсутствуют вспомогательные глаголы do, are. Вместо местоимения I используется me. Используется детское слово unkie. В переводе также используются маркеры детской речи на разных уровнях языка: замена /ш/ на /с/, /ч/ на /ц/; характерное для детской речи сочетание «скажу на тебя» (упрощение от «пожалуюсь на тебя»); детское слово «бьяка».

При переводе детской речи нередко возникает проблема дешифровки: переводчику – носителю другого языка и другой культуры, не знакомому с особенностями детской речи на языке оригинала и не знающему ее закономерностей, трудно определить значения слов, произнесенных ребенком. В данном случае переводчику не помогут и лексикографические издания. Механизм перевода усложняется – детская речь переводится в речь «взрослую», затем переводится на другой язык, затем добавляются маркеры детской речи. Следовательно, требуется знание фонетических, лексических и синтаксических особенностей детской речи. Преувеличение «коверкания», так же как и нейтрализация маркеров детской речи, приводят к информационным потерям в тексте.

Существуют индивидуальные характеристики, передача которых в их неповторимости является одной из важнейших проблем художественного перевода. Каждый носитель обладает своим собственным **идиолектом**, в котором отражаются его индивидуальные особенности. К индивидуальным особенностям речи могут относиться такие, как частотное использование тех или иных морфологических (например, уменьшительно-ласкательных суффиксов) и лексических единиц, синтаксических конструкций, штампов и клише, склонность к использованию каламбуров, склонность к

смешению стилей, особое построение предложений: использование коротких “рубленных” фраз или, напротив, длинных, сложных предложений.

С. А. Арутюнов отмечает, что часть таких особенностей может относиться к сугубо индивидуальному использованию, другая часть входит в разговорную практику членов семьи, дружеской компании или какой-либо иной социальной микроячейки. Таким образом, в социальном пространстве формируется множество перекрывающихся друг друга кругов микроизоглосс, образующих «размытые пятна» микродиалектов².

Примером индивидуальных особенностей может стать использование неологизмов:

I had such a frightening experience last week, – Mrs. Pamphrey continued. – I was sure I would have to call you out. Poor little Tricki – he went completely crackerdog! (J. Herriot).

*– Я так испугалась на прошлой неделе! – продолжала миссис Памфрей. – И уже думала вызвать вас. Бедняжка Трики вдруг **опринадился** (перевод И. Гуровой).*

'Oh Mr. Herriot' – said Mrs. Pamphrey looking at her pet anxiously 'I'm so glad you've come. Tricki has gone flop-bott again' (J. Herriot).

*– Ах, мистер Хэрриот, как я рада, что вы приехали, – сказала миссис Памфрей, с тревогой поглядывая на своего любимца. – Трики опять **плюх-попаем** (перевод И. Гуровой).*

Здесь слова, изобретенные женщиной для отражения состояния ее собаки, понятны только лечащему ветеринару и составляют микродиалект.

В тексте индивидуальные особенности обнаруживаются «методом исключения»: их нельзя отнести к профессиональным, социальным, возрастным и пр. Индивидуальные особенности речи персонажа ставят перед переводчиком творческую задачу – создание индивидуального стиля средствами родного языка. Созданного стиля следует придерживаться на протяжении всего произведения, не «нейтрализуя» речь пер-

сонажа. С другой стороны, нельзя насыщать речь персонажа такими особенностями в большей степени, чем в оригинале, создавая тем самым иной эффект, нежели автор создает в оригинале. Подобную ошибку «перенасыщения» речи персонажа индивидуальными особенностями можно часто встретить в текстах, созданных начинающими переводчиками.

Чтобы определить постоянные характеристики речи говорящего, отличить их от переменных, необходимо проанализировать речевое поведение персонажа на протяжении всего произведения. Речевое поведение должно быть соотнесено с экстралингвистической информацией, тем, что известно о говорящем из контекста произведения. Для интерпретации текста существует взаимная зависимость: с одной стороны, речевое поведение позволяет определить говорящего с точки зрения его социально-

го статуса, уровня образования и т. д., а с другой – эти сведения о персонаже помогают интерпретировать его речевое поведение. Региональные, социальные, профессиональные, возрастные, гендерные и другие особенности речи должны быть выражены в тексте перевода в такой же степени, что и в тексте оригинала. При переводе реплик диалогической речи в тексте такие переводческие приемы, как лексическая замена, изменение грамматической структуры предложения, дополнение и расширение, используются чаще, чем при переводе фрагментов текста, отражающих монологическую речь. Переводчик, как «иллюзионист, играющий со смыслами и в смыслы» (Ю. А. Сорокин), решает задачи автора художественного произведения, текста как продукта речевой деятельности, читателя, имеющего целевую и познавательную программу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Влахов С. И.* Непереводимое в переводе. М.: Междунар. отношения, 1980.

² *Арутюнов С. А.* Народные механизмы языковой традиции // *Язык. Культура. Этнос / Рос. акад. наук, науч. совет по истории мировой культуры; Отв. ред. Г. П. Нещименко. М., 1994.*